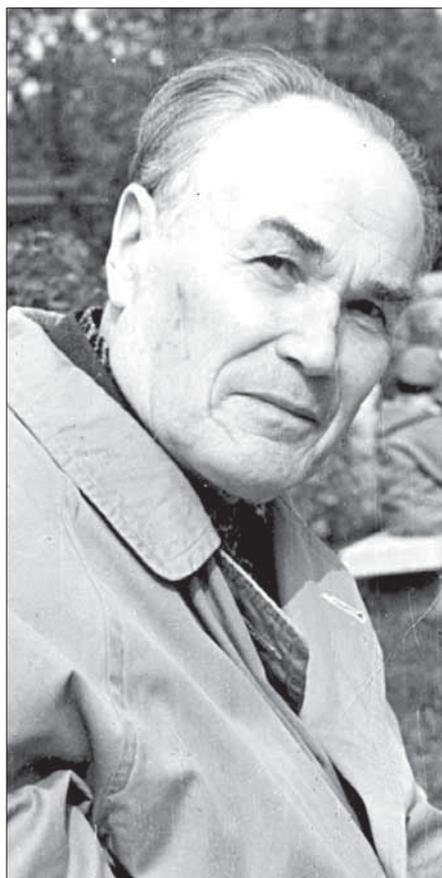

ГОД ЛИТЕРАТУРЫ С ДОБРЮЛОВКОЙ

Александр Зуев Государев диван

В НАШЕМ городе имелся Исторический диван. Стоял тот диван в гостиной у купца Мохногих, очень любил купец диваном тем перед гостями погордиться. Так себе был диван, сидеть на нем твердовато – в старину ведь на пружинах не делали, – и обит был розовым репом в полоску, ну, совсем простенько, ничего выдающего. Только разве на спинке сверху фетимети – картиночка написана была соблазнительная: пастушок с пастушкой на лужке сидят. На диване том сам царь сживал. За что купил, за то и продаю, только рассказывали мне достоверные люди об этом вот какую историю. Блаженны памяти в бозе почивший государь император Александр Николаевич проезжал раз через наш город, спешно ехал на четырех тройках. А остановился государь, конечно, у губернатора. Губернатор-то, говорят, был старичок, но у него молодая жена. Как взглянет на нее государь: «Желаю, – говорит, – у вас обед откушать». Губернатор, конечно, осласливлен, бегаёт вокруг жены: «Проси, милочка, проси». А государь ему: «Выдь-ка, – говорит, – ваше сиятельство, на минутку, я тут жене твоей стану любимые блюда заказывать». И всех из комнаты государь удалил.

Что он там с губернаторшей соизволил беседовать, не нам судить да сплетки разные передавать, только губернаторша, говорят, после целый день смеялась и плакала. Но государь за обедом был очень веселый, шутил все да похваливал, говорят, наши местные наливки, а губернаторша велела даже представить к милостивой награде. Ну, так, отобедав у них государь и дальше ехать. Только и осталась память от него: тот диван да по краешку дивана еще пятнышко, – губернаторша сказывала, что тут у государя было за обедом вареньем вишневым капнуто, блинчики изволил кушать государь с вареньем. Так и оставила губернаторша на память то государево пятнышко, приказано было его строго не смывать, не чистить.

Вот этот самый диван и стоял у Мохногих в гостиной, купил он его за большую цену у губернаторова внука, ротмистра, который с Питера к нам наезжал продавать-промывать отцовское добро. А купец Мохногих был человек богатеющий, склады да пристаня держал, да ломовиков три артели у него работали на подряд. Человек он был кряж, седой, щеглистый весь и на голос очень груб – на каждое слово у него свое прислобье было, да такое – лошади шатаются, право.

Но любил купец Мохногих разные вещи исторические покупать... Самое разлюбезное дело бывало ему диваном своим похвальнось. Картиночку, которая на спинке, покажет и пойдет нести несуетные побки про пятнышко. Сам все гостям-купчихам подмигивает да под-

талкивает в бок. Наперво всегда норовит диван показать, а часы и всякие другие штуки потом. Чудной был старик!

За революцию ему пришлось пострадать шибко много и все из-за своего же характера. Судите сами: у него дом забирают, склады запечатывают, контрибуцию какую наложили, ему бы молчать, а он, как со сна ошарашится, сядет к окошку и весь день пушит новую власть. Как завидит кого, высунется и пошел на всю улицу:

– Ну, золотая рота! Но, шморгонцы! Ну, голозядье! Не всех, видать, обрали? Зеньки-то все расширяете? Ужо-ужо, подавитесь!

И всякие подобные слова. Народ, вся улица слушает – срам. Жестокий был старик, непокорный. Зато уж и пострадал, – это уже как полагается. О-ох, пострадать-то ему привелось! Дошло, я думаю, до шеи. Арестовали его вскоре. А нужно вам сказать, что в красной-то гвардии и в начальстве у нас много тогда сидело из его же артели ломовых да грузчиков.

Ну, уж они его мытарил-мытарил после, не знали, какую только ему работу придумать погрязнее. Он и помойки выгробал, и последние места в казармах чистил, и на золотой бочке ездил, и помой выносил, и в конюхах состоял. Постарел сразу от того человек, унизились, шею нагнул и волосом да грязью зарос до глаз. Стали за то его наши ребятишки городские прозывать «вонючим созданием», смеялись над ним все, самый последний человек в городе стал Мохногих.

Наконец, спрашивает его начальство:

– Ну, как, хозяин, выходился? Не дерзнул боле? Не заносился? Или как?

Молчит старик, научили, небось, молчать-то, только голову опустил.

– Вот и хорошо. А мы тебе повышение теперь дадим. У нас ведь не то, что у тебя бывало. Как ты по конному делу знаток, определяем мы тебя по той же части в губпродком, в отдел трамвота, по гужевому транспорту. Желаешь?

Молчал, молчал старик, а потом и говорит:

– Так точно.

– Ну, иди.

Дали старику бумажку, и пошел он в трамвот. А трамвот в его же собственном доме размещается. Пришел он и через порог переступить не смеет, первый-то раз прямо нога не поднимается. Наконец заходит.

– Где тут у вас гужевой транспорт?

– На самый верх, – говорят, – иди.

Это в спальне, видно, – старик соображает. И пошел прямо через все апартаменты посмотреть хоть, что с домом стало. Смотрит: часы и все эти штуки убранные куда-то. Столов везде наставлено, и пол крашеный носился, и потолок закоптел. Так, ладно.

Ходил-ходил он по всем это

комнатам, будто не может все найти свой гужевой транспорт. И так незаметно он входит в гостиную. Остановился и смотрит так, смотрит: что-то, видит, как будто неладное есть.

А сидит на историческом диване его же кладовщик Васька Лента и пишет бумаги. Только диван вроде бы и не тот совсем стал, какая-то неизвестная есть перемена.

Стороной-стороной подходит он к своему дивану, смотрел-смотрел еще, – непонятно ему, что с диваном стало. Какбрякнет вдруг он кулаком по спинке:

– Васька, сукин сын, почему сейчас, что с моим диваном сделали? Убью дьявола!

Тот как вскожит. Моргал, моргал глазами, ничего не понимает – откуда опять взялся ершистый хозяин Мохногих? Первое время аж глаза полезли у него с испугу. А опомнился, как вдруг завопит на весь трамвот:

– Ах ты, – говорит, – гад-гада ползуций! Ты все еще ядовито жало в себе носишь и наружу высываешь? Но нет, врешь, растак твою в самый горб, да и в загорбок заходем!

Ну, стали они тут промез себя разно выражаться. А тут как посмотрит Мохногих поближе на Васькину рубаху, сразу и признал:

– Репсовая? – говорит. – Репсовая? Сказывай, такую твою мать!

Схватил он Ваську Ленту за горло, сорвать хотел с него рубаху совсем.

– Где, – говорит, – теперь то самое мое пятнышко, которое у государя было капнуто? Достой ты, червяк низкий, на себе его носишь? Да я тебя в трибунал поволоку за такую порчу. Держите Ваську-вора! Держите, люди добрые!

Схватились тут они за воротки друг дружку крепко таскать. Со всех отделов народ сбегался, едва их разняли.

А старик совсем с ума свихнулся. Его держат со всех сил, ему поддают, а он бьется да кричит:

– Где то самое пятнышко, которое у государя было капнуто? Васька украл, держите Ваську, люди добрые!

Его уж в ворота проталкивают, а он все свое:

– Васька вор! Ой, Васька вор!

Ну, сволокли его опять в холдную на выучку, на высылку, на исправление. А Васька Лента после этого только плонул:

– Вот тля какая! Зря не доубили раньше ярого монархиста, зря!

Даже не захотел больше и садиться на тот диван Васька, а приказал поставить в курьерскую. Там его и судьба кончилась, разломали скоро ребята.

1927 год.

Его жизнь родила его книги

Биография А. Н. Зуева (1896–1965) во многом была биографией века и, как писал Сергей Баруздин, «удивительно точно совпала с его творческим лицом. Его жизнь родила все его книги, а его книги – своеобразная биография его».

Александр Никанорович родился в небольшом северном селе Паденьга Шенкурского уезда Архангельской губернии в семье священника. В Паденьге прошло его детство, там он окончил начальную школу. Затем учился в духовном училище, в Архангельской духовной семинарии, в Пермском университете, в Киевском военном училище. Участник Первой мировой войны. После установления советской власти на Севере работал в губернской газете «Известия...», заведовал Архангельским отделением РОСТА. С 1922-го – в Москве, в редакциях изданий «Правда», «Рабочая жизнь» и др.

Организатор рабкорского движения, создатель и редактор журнала «Рабоче-крестьянский корреспондент». В Москве выходят его книги «Тайбола» (1928), «Конец века» (1934), «Мир подписан» (1934), «Под северным небом» (1938). В 1938-м арестован по ложному доносу и осужден на восемь лет. Освобожден досрочно, но вскоре снова арестован и сослан в Красноярский край. В Москву вернулся лишь в 1954-м. Пропущенный сквозь лагерную мясорубку, он сумел вернуться к творческой жизни: появляются новые произведения, выходят новые книги, он полон творческих планов. Но тяжелая болезнь не позволила им осуществиться. А.Н. Зуев скончался в возрасте 69 лет, похоронен в Москве.

Более подробно познакомиться с биографией и произведениями А. Н. Зуева можно, посетив его страницу на сайте «Литературный Север» <http://writers.aonb.ru/map/shenk/zuev.htm>

Текст рассказа печатается по книге А.Н. Зуева «Течение времени» (Архангельск, 2008), изданной АОНБ им. Н.А. Добролюбова в рамках проекта «Северная библиотека».